

Сегодня в номере представлены
9 стран: Алжир, Афганистан,
Египет, Израиль, Казахстан, Китай,
Кыргызстан, Россия, Украина.

Александр и Фалестрис

Казахстанский поэт Илья СИНЕЛЬНИКОВ решил погрузиться в глубь веков

1.
Эхо побед Александра Великого, Бога живого,
Сына Филиппа, царя Македонии —
прежде неизвестной,
Славы преемника эллинов доблестных
и фараонов,
Чьи пирамиды ступенями к небу
ему послужили, —

Эхо побед Александра Великого
над Палестиной,
Где вошарится, спустя три столетия,
подобно фантому,
Искра верховного семени
в девственном чреве Марии,
Боготпринимной супруги Иосифа
(«отчима» Сына), —

Эхо побед Александра над ордами Ахеменидов¹,
Рвушими сворой ревушей
лоскутья империи шаткой,
В небытие превращённой
стратегией гения брани, —
Эхо побед Александра
над небом Евразии взмыло.

2.
Зевсу — по мощи, Аресу² —
по алчности к ратным триумфам
Равен был «Азии царь»,
а по блеску идей — Аполлону.
Клёкотом груди не теснило ему ликование духа,
Но управляемым оползнем гасло
в парящем дыханье.

Всадников и копытеносцев слепил
ярый пламень пожарниц,
Беглого Дария³ крушило чертог
по следам разграбления.
Лошади пучили в марше
зрачки на копыта Буцефала,
Точно и он с венценосным стратегом
парад принимает.

Зевса с Аресом воспева,
принёс им обильные жертвы,
Вкупе с Гераклом — героем
и родоначальником царским —
И Дионисом, весёлым создателем
хмели с экстазом, —
Каждого воина имя приподнял
до звёзд полководец.

3.
Гимны победные птицами реяли
над Персеполем⁴,
Труб переборы, звенящие бронзой,
метались по склонам,
Ливнем из нот стреловидные флейты⁵
дырявили небо,
Гаммами струн кифаристы играли
на нервах иранцев.

Тут барабан на колёсах, ведомый квадригой,
ударил —
По мановенью царя — так что трубы
принудил замолкнуть,
И арьергард расступился
в сей миг перед эллинским хором.
И дифирамбы воспели —
царя, сокрушителя персов,

И Диониса, плясавшего средь
козлюбёдных сатиров,
Девственниц ловко ловящих
для жизнעדарующей страсти,
Пели Ахилла с Патроком⁶, что,
дружбой нежнейшей сроднившись,
Воинам в долгих походах
завет свой блюсти завещали.

4.
В пиршестве, как в половодье,
тонуло усталое войско,
Царский флейтист Тимотей⁷ источал
переливы мелодий,
Думы царя насыщая амбицией новых походов,
А лучезарную плоть —
ощущением телесных роскошеств.

Грезил о Парфии⁸ близкой,
об Индии дальней властитель,
Груды добытых сокровищ
налево-направо раздавший,
Помысел с промыслом вверив надежде,
подвластной лишь року:
Вновь арсенал свой наполнить
трофеями царств покорённых.

Выхватил взор остроклювый
хитон миловидной Барсины —
Похоти жрицы походной,
мелькнувшей в проёме шатровом,
Пусть насемь лет и постарше
и дважды уже овдовевшей,
Но доставлявшей царю
жгучесть женской
природной стихии.

Выхватил слух остроклювый
из гомона глас мелодичный
Отрока-перса Багоя — живого трофея разгрома
Беглого Дария, слабость к трофею
делившего с пылом.
Ныне же пленник престелный
пленил на пиру Александра.

Царский флейтист Тимотей
песне вторил Багоя созвучно:
— Царь розоликий! Я слаще воркую,
чем райские птицы!
Сердце моё пробурываю
наслаждения вёртком кинжалом!
Лезвием нежности встречной тебе
я готовлюсь ответить.

5.
Царь усмехнулся и взор остроклювый
на дол перебрисил,
Где под водительством
друга-соратника Гестестона,
Коему сны и планеты вменили
планиду Патрокла,
Шла кавалькада степенная дев
иноземного вида.

Туники всадниц крылато порхали
под кронами копий,
Стрелы в запястных кольчугах торчали,
как частые гребни, —
Но не косицы наездниц прочёсывать —
вороты цепи.
Знамя с гербом чужестрашным парило,
как демон, над девой —

Что в златогранной тунике
и шкуре наплетной козлиной,
Взор и копё вдале простёрши,
на белом коне гарцевали,
Ликом являя и обликом дух Артемиды
сошедшей.
То был отряд амазонок,
ведомый царицей Фалестрис.

Копь ступал шаг в шаг,
девы мерно смирляли дыханье,
Персики персей венчались
сосками из гранул гранаты.
Чресла бойцов македонских
в гуденье свирепом застыли,
Губы понтыли гордых,
открывшись на вдохе, замкнулись.

«Триста там копий!..» — примчался посыльный
от Гестестона.
Вскоре соратник и сам —
с закатившейся головой, — волнуясь,
Прибыл к шатру Александра.
Тот встретил Фалестрис улыбкой.
Гестестон, растерявшись,
ревниво воззрился на друга.

Царский флейтист Тимотей прошептал,
озираясь, Багою:
— Юноша персикопийный,
в любви пусть ты дока, как видно,
Знай, правит Азии троном не Зевс —
пальцы Гестестона.
Гестестон оглядел безотчётно персёнка Багоя.

6.
Мини улыбки — как дань дипломатии
гостеприимства
Или как знак, должный скрыть ложь
никчёмных преданий и правду,
Стала понятна Фалестрис —
ещё до илустричных обменов,
Ибо всю правду и ложь она загода знала,
провидя.

«Что этот царь македонский — наследник
убийцы Геракла,
Палицей тяжкой — как фалос —
кромсающий её прапрабабок, —
Что этот идол на троне, поднявший на щит
Диониса,
Клятвотпреступника, в спину вознившего меч
амазонкам,

Спасшимся у Артемиды под кровом
несчастного храма,
Кой в самый год (даже в день!)
пришестия в мир Александра
Был предан огню Геростратом⁹,
сожраным Тартара бездной, —
Что этот зла восприимчив
о будущем знает может гиблом?»

7.
Царь с глазу на глаз за трапезой
в честь близкой сердцу Фалестрис
Шёлк её кожи пурпурной прищуром клевал
остроклювым,
Слухом же зорким, как око,
он в имени выискать тшился
След легендарной Фалёсы¹⁰ —
Эвксинского Понта¹¹ богини —

Или Фалёса¹²!.. Как знать, дарит отцом её
стал бы философ,
Кабы свой фалл разрядил (между мыслями!)
отпрыском этим.
Царь рассмеялся, представив,
что стало бы с шёлком Фалестрис
За два столетия, минувших
с момента коитины Фалёса.

Но, улетучив свой смех,
гостю подал он чашу с шербетом,
Тост свой подняв — столь же терпкий:
«Сбылись чтоб надежды на счастье!»
Гостю воздела пред ним майским садом
цветущие груди:
— Счастье, я думаю, царь, —
это дань продолжению рода.

Счастья царице желая,
яви же ей царскую шедрость.
Семья героя принять — как дар Свыше —
готова Фалестрис.

Сына рожу — пусть растёт он под сенью
отца-самодержца,
Сплавом достоинств царей
дело жизни твоей продолжая.

Ежели ж дочь я рожу —
ты её никогда не увидишь.
Царство своё — от Кавказа до Скифии —
ей передам я.
Доблесть героя отца, как и верность моя
вольной воле,
Знаменем будет её, что в боях осенит амазонок.

8.
По мановенью царя на ночь ложе
убрали цветами,
Лугом ковры раскатав, что свернул,
не забрав, беглый Дарий.
Фалл из ливанского кедр, под гимны,
носили кругами —
Как символ победы над смертью
и плодородия идол.

Ночь Александра с Фалестрис
двенадцать ночей продолжалась —
Столь же, как брачный кутёж
падких воинов и амазонок.
Память осталась о нём —
как «Востока и Запада свадьба».

ИЗ ДОСЬЕ «ВМ»

ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ СИНЕЛЬНИКОВ

Родился 4 октября 1942 года в Алма-Ате. Окончил среднюю школу № 56, а затем Казахский государственный университет имени С. М. Кирова, филологический факультет — в 1965 году. Журналист и поэт. Автор и ведущий радио- и телепрограмм в 1970–1990-е годы. Его корреспонденции и репортажи печатались в периодических изданиях республиканских. Выпустил книжки сказок «Серебряные трубочки» (издательство «Жалын», 1979), «Как сойка медведя спасла» (издательство «Опер», 1984), Сборник «Свои слова. Стихи, переводы, стихи-перевертыши» (издательство «Саяг», 1999) и «Атакейт. Четыре легенды» (издательство «Олке», 2008).

(Празднества, правда, плоды
испарились невнятным похмельем.)

— Ведаю: с детства с тобой, —
Александру шептала Фалестрис
Утром в тринадцатый день,
над царем нависая на локте, —
Был попугай, что твердил ежечасно:
«Герой ты! Герой ты!» —
Знал ведь он, что говорил,
хотя мальчик и был целомудрен.

Все те двенадцать ночей
у шатра караулом ревнивым
Ревностно службу несли только
Гестестон и Барсина.
Отрок прелестный Багой, с проницным
флейтистом расставшись,
Тихо скорбел в стороне,
источая жемчужные слёзы.

Вся содрогаясь в блаженстве,
но не расплескав упоения,
Со спящим царём не протискиваясь,
лежбище страсти оставив,
Вмиг амазонок построив,
заправив в кулак кавалькаду,
В путь стая удачи взметнула и пилу —
как фалос — Фалестрис.

9.
Не о клевете по ложу она вспоминала,
остынув, —
Семья его она гордо несла в застоявшемся чреве.
О попугае царевича мысль её взор затенила.
Даре забавном от матери —
Олимпиады-царицы.

Тот попутай, что внушал Александру
стать славным героем,
Чуял судьбу его лишь до победных баталлий.
Не позже
Знает царица прогнозы жрецов
о судьбе её сына,
Но ни ему, ни себе быть заслоном фортуны
не в силах.

«Не задитить человека,
чей дух ему жизнь выжигает», —
Был беспощаден вердикт
в час явления в мир Александра
Ведаю я! Семь лишь лет процветать
его трону осталось.
Сын венценосный угаснет —
и Олимпиада починит.

Ведаю! Сына родит Александру
шатровая жрица,
Сыном вторая жена наградит его,
но лишь посмертно.
Ведаю! Будут убиты его сыновья с матерями.
Выживет наш лишь ребёнок,
которого в чреве пошу я.

Но какова будет участь
весенней стихии побега —
Крона цветущая или сухойстой —
тайна знания запретна.
Как бы то ни было, мы —
закаспийских земель амазонки —
Долг материнский исполним!
Спасибо и слава Эллада!

¹ Ахемениды — династия царей Ирана (550–331 до н. э.).
² Арес — древнегреческий бог войны.

³ Дарий III — последний царь династии Ахеменидов.

⁴ Персеполь — древнеиранский город, основан в VI веке до н. э. Одна из столиц династии Ахеменидов. В 330 году город был захвачен Александром Македонским.

⁵ Пифагор полагал, что возбуждающие звуки флейты иррационально воздействуют на души людей (см. Мейли П. Холл/США). Терпевшая музыка Пифагора. «Журнал «Будь здоров», Москва, 1994, № 4).

⁶ Взаимоприязнь древнегреческих героев Ахилла и Патрокла — пример истинной дружбы юношей.

⁷ Парфия — др. царство на северо-востоке современного Ирана и юге Туркменистана.

⁸ Герострат — эллин из горда Эфес (Малая Азия). Сжёг храм Артемиды 21 июля 356 до н. э. — именно в тот год и день, когда явился на свет Александр Македонский.

⁹ Фалёса — древнегреческая богиня моря, жена морского бога Понта, породившая от него рыб.

¹⁰ Эвксинский Понт («Море Гостеприимное») — истинное название Чёрного моря.

¹¹ Фалес (624–546 до н. э.) — древнегреческий философ, полагавший, что материальный мир одушевлен.